

снова. В баталии с собаками медведица показала на первый взгляд как будто не свойственные ей подвижность и гибкость.

После нескольких выстрелов мы покончили с матухой. Собаки растаскивали в разные стороны медвежат, которые вопили, как поросенка. Отогнав собак от ососков, мы одного пристрелили — он был сильно подран, а другого взяли живьем.

Этот медвежонок показал недюжинные способности к пониманию обстановки. Отгоняя собак, я подошел к зверенышу. Собаки оттолкнули мои лезви и бросались к нему. Медвежонок, встав на задние лапы, передними обхватил мою ногу и истошно вопил. Как только собаки под моими окриками отходили в сторону и переставали лаять, медвежонок опускался на все четыре ноги и делал попытки убежать. А когда собаки снова бросались к нему, он опрометью кидался ко мне, опять обнимал ногу и орал. Так повторялось несколько раз. Стоило мне опустить руку, чтобы ухватить его за шиворот, он сейчас же направлял свою ярость на мою руку и с размаху бил лапами. Все это прекратилось только после того, как я ухватил его за загривок, посадил в камлайку и хорошо завязал.

Медведь, крупное и мощное животное, на первый взгляд кажется неповоротливым. На самом же деле он очень ловок, чрезвычайно подвижен, может покрывать, совершенно не утомляясь, громадные пространства. Нет такого пути, по которому медведь не мог бы пройти. Там, где дорога совершенно недоступна человеку, где отказывается идти собака и даже песец не в силах пробраться, медведь проходит сравнительно легко. Независимо от того, сколько это склон, или скалистая, почти отвесная стена, изборожденная трещинами, или вздыбленный горами торосистый лед, — для него везде дорога.

Случалось догонять зверя одного, без медвежат, и тогда особенно было видно, на что он способен.

Легкость и подвижность медведя, конечно, зависят от его возраста и размеров. Чем крупнее медведь, тем медленнее он движется. Молодого, половозрелого, некрупных размеров медведя и не очень жирного часто не могут догнать выпряженные собаки, тогда как среднего медведя собаки догоняют без особого труда. Старые крупные медведи столь малоподвижны, что их может догнать даже пеший человек.

Медведь находит выход из любого трудного положения. Осенью 1931 года промышленник Тагью поселился в устье реки Клер, на восточном побережье, соблазненный тем, что осенью в этом месте со льда выходит много медведей. Однажды он облезжал участок тундры у скалы Большевик и повстречался со зверем. Стрелял в него, ранил, но медведь не потерял способности двигаться и начал уходить. Тагью пустил собак и бросился в погоню. Зверь шел к берегу. Собаки загнали медведя к обрыву невдалеке от скалы Большевик. Окруженный ими, он заметался из стороны в сторону. Тагью уже торжествовал победу. Подъехав ближе, он сошел с нарты и начал стрелять.

Совершенно неожиданно для Тагью зверь вдруг отступил и... бросился вниз. В этом месте скала возвышается над морем метров на

Собаки окружают медведя...

пятьдесят-шестьдесят. Внизу был толстый лед. Тагью решил, что зверь разбился, и уже начал строить планы, как он доберется вниз, чтобы снять шкуру. Но, подойдя к краю обрыва и посмотрев вниз, он крайне удивился, не обнаружив медведя, хотя лед был цел. Озадаченный Тагью поднял голову и окинул взглядом горизонт и тут лишь заметил уходящего во льды зверя.

Сила у медведя просто невероятная. Приведу хотя бы такой случай. Однажды нам потребовалось километрах в шести от бухты Роджерс извлечь для приманок на песчаную косу моржа весом пудов в двадцать—двадцать пять. В шестером мы не смогли его волоком вытащить на песок, при помощи ремней нам удалось выкатить тушу лишь за линию прибоя. Вспоров моржу брюхо, мы оставили тушу на косе.

Через неделю несколько товарищей отправились разделать моржа. Каково же было их удивление, когда, прия на место, они не обнаружили моржа; только широкая полоса, видневшаяся на песке, указывала, куда был утащен зверь. Поднявшись на гребень косы, они увидели, что от моржа остались только кожа да кости, все мясо и внутренности съел медведь. По следам можно было заключить, что грабитель орудовал в одиночку. При помощи зубов и лап он протащил моржа метров пятьдесят по вязкому песчаному грунту, и при этом ему пришлось подниматься вверх по песчанистому склону.

Сила лап белого медведя чрезвычайно велика. Лапа его вооружена крепкими, мощными когтями. Одного удара лапой по голове такого сильного животного, как лахтак, достигающего иногда веса двух десятков пудов, бывает достаточно, чтобы убить его. Только морж, закованый в дюймовой толщины шкуру и вооруженный мощными бивнями, недосыгаем для медведя. Обычно медведь на взрослого моржа не нападает. Во всяком случае мы не имели случая не только наблюдать такое единоборство, но нам никогда не попадались и остатки убитого и съеденного медведями моржа.

К сказанному надо добавить, что защищенный толстым слоем жира и плотным мехом медведь совершенно не страдает от холода. Самая свирепая пурга, когда все живое стремится запрятаться поглубже, на него не оказывает влияния. В сильнейшие морозы он бесстрашно лезет в воду за добычей.

Медведь — прекрасный пловец и может на воде покрывать значительные расстояния. Однако, когда пространства чистой воды достигают двух-трех десятков миль, медведь пасует, так как он все же приспособлен жить на «тверди»¹.

Летом медведя на острове нет. В это благодатное для всех животных время он находит достаточно съедобного во льдах. Охотится медведь, как правило, в одиночку. Добытое им съедается тут же после охоты. Если же он не сможет съесть все, то пробудет у остатков столько времени, сколько нужно для полного уничтожения упрямленного. В случае, если что-либо угрожает медведю, он уходит от места, где он поймал нерпу или зайца, но в этом случае уносит и свою добычу в иное место, чтобы там спокойно ее сожрать.

В 1936 году «Садко» в проливе Маркгама в архипелаге Земля Франца-Иосифа был встречен медведь, только что убивший крупного зайца и занятый его поеданием. Медведь находился на пути судна. Когда до медведя осталось не больше 200 метров, он вместе с зайцем бросился в воду и перебрался на другую, более отдаленную льдину. Ища выхода на север, судно несколько раз проходило этим районом, штурман каждый раз направлял судно на медведя, но он неизменно уходил, забирая с собой и свою добычу. Он отказался от нее только тогда, когда попал под форштевень судна, и тут, спасая свою жизнь, бросил зайца.

Неподалеку от этого места мы видели другого медведя, меньших размеров, который бродил поодаль, но не решался приблизиться к месту пиршества своего собрата.

¹ На уединенных расположенных островах Карского моря (Свердрупа, Известий, Арктического института и др.), после освобождения моря от льдов, иногда случайнно задерживается несколько медведей. Не обнаруживая ничего съедобного, они доходят до крайней степени истощения и постепенно поедают друг друга. Это подтверждает, что медведь не может проплыть по воде большие расстояния, иначе, гонимые голodom, они покинули бы эти, ставшие столь негостеприимными для них, острова. Таких отощавших зверей находили наши гидрографы, высаживавшиеся на острова и убивавшие тонущих медведей.

Но это не значит, что несколько медведей не могут мирно трапезовать. Это случается, когда медведи найдут крупные массы съедобного. В 1930 году фактория на своих пловучих средствах забросила на северный берег несколько тонн моржового мяса в тухтуках¹, но пройти к жилью эскимосов помешал лед, поэтому мясо было выгружено в бухте Драги у мыса Литке в нескольких километрах от жилья.

Через две-три недели к складу мяса направился эскимос Нико. По приезде на место он обнаружил у склада одиннадцать медведей, которые были заняты пожиранием мяса. Всех этих медведей Нико убил.

Таким образом, когда съедобного недостаточно, медведь не пустит другого, и только более сильный противник может отнять добычу; если же съедобного много и оно есть не результат охоты, то несколько медведей могут оставаться некоторое время бок-о-бок, не проявляя особой враждебности друг к другу.

Летом медведи сбрасывают с себя длинную шерсть. Мех становится редким, так что видна кожа. Такая шкура ценится низко. Бить летнего медведя на шкуру бессмысленно, — это значит заниматься бесполезным изничтожением животных.

За пять лет на острове не было случая, чтобы охотник пострадал от медведя, хотя бывало, что промышленник подвергался серьезной опасности. Обычно медведь уходит от человека, особенно если ему уже приходилось встречаться с охотником и позлучить свинцовый гостинец. В таких случаях медведь, словно в паническом ужасе, убегает от человека.

Эскимос Таян, самый опытный и бесстрашный охотник на медведей, осенью 1931 года бродил во льду у северного берега острова. Найдя след только что прошедшего медведя, он пустил двух собак. Они быстро настигли зверя и держали его. Окруженный собаками, медведь крутился на одном месте. Но как только он увидел Таяна, выехавшего из-за торосов, сразу пустился наутек, несмотря на то, что на «штанах» его висели два здоровенных пса. Не успел охотник опомниться, как медведь с собаками исчез в торосах. Медведя Таян так и не догнал. Усталые собаки вернулись в палатку только поздно ночью, — видимо, далеко пришлось им бежать за резвым зверем.

Очень редко медведь охотится на людей и нападает на жилье. Но когда это случается, его не могут удержать ни собаки, ни необычные для него новые запахи.

Особенно опасна встреча с голодным медведем, потерявшим уже запасы жира, — «сухим», как говорят эскимосы. Обычно такой медведь, при особой его подвижности, еще крайне нагл и свиреп.

Иногда промышленники замечали, что по следу нарты долго шел медведь. Промышленник Скурихин как-то весной ехал с мыса Блоссом

¹ Тухтук — связка мяса моржа в кожу животного, являющуюся неотъемлемой частью этого куска мяса. В коже по ее краям делается ножом отверстие, через которое пропускается тонкая веревка, и она стягивается в пакет. Внутри этого пакета — жир и мясо, а с поверхности — кожа.

на Роджерс. Дорога была хорошая, и он, сидя на нарте, подремывал. Вдруг что-то заставило его оглянуться назад. За спиной стоял громадный матерый медведь. Скурихин не растерялся. Винтовка была под рукой. Мгновенно последовал выстрел, и зверь грохнулся прямо на нарту.

Несколько раз медведи нападали на жилье, причем всегда в одиночку.

В бухте Сомнительной с 1926 года жил эскимос Аньялик с своими братьями Югунхаком и Пинехаком. В разгар зимы, в глухую ночную пору, когда все обитатели юрты крепко спали, Аньялик был разбужен неистовыем лаем собак и сильной возней на крыше юрты. Аньялик поднял Югунхака, и они вместе вышли на улицу. На крыше юрты «трудился» медведь, раскидывая лапами снег. Собаки бесновались внизу, некоторые из них забирались на крышу, но быстро скатывались обратно. Медведь был так занят своей работой, что не обратил внимания на вышедших из юрты людей. Медведя пристрелили. Он оказался невероятно худым, в желудке у него совершенно ничего не было.

Были случаи, когда медведи нападали на охотников, спавших в палатках. Только присутствие духа и молниеносная быстрота действий спасали людей от верной гибели.

Весной 1933 года промышленник Таян охотился к северу от мыса Фомы, на западном побережье острова. Он взял с собой для помощи своего племянника Нанивгака. Стояли крепкие морозы. Устав за длинный день в поисках медведей, промышленники крепко заснули. Нанивгак для теплоты залез в кукуль с головою и завязал его изнутри. Таян же лег, как подобает охотнику, имея руки свободными и положив рядом винчестер. Ночью их разбудили громко лаявшие собаки. Не успев как следует проснуться, Таян почувствовал, что кто-то очень сильно трясет палатку. Он схватил винтовку, но не успел вылезти из кукуля, как палатка стала падать. Лежа, Таян несколько раз выстрелил в сторону нападавшего, за выстрелами последовало падение тяжелого тела прямо на палатку. Завязанный в кукуле Нанивгак оказался придавленным. С трудом выбравшись из палатки, Таян обнаружил крупного тощего медведя. Оттащив тушу медведя в сторону, он освободил перепуганного Нанивгака из кукуля.

Во время самой охоты на медведя бывали случаи, когда охотники находились на волосок от смерти, один даже побывал в зубах медведя и только благодаря счастливой случайности остался жив.

Весной 1933 года промышленник Паля с братом своей жены Пинехаком, подростком лет шестнадцати, отправился в район мыса Уэлинг. Здесь в одном из распадков они поставили палатку и каждое утро разъезжались в разные стороны на поиски медвежьих берлог. Однажды Паля отправился в глубь острова в горы, а Пинехак перебрался на лед и поехал параллельно берегу.

За одним из мысков он увидел медведицу, неторопливо шествовавшую с медвежатами. Собаки заметили медведя и бросились к зверю. Нарта шла по бесснежному льду, и Пинехак никак не мог ее

заостолить¹. Когда собаки уже почти подвезли его к самой медведице, Пинехак выпрыгнул из нарты и начал второпях стрелять в зверя. Медведица бросилась к нему. Стреляя в бежавшую медведицу, Пинехак попадал неудачно и не причинял ей тяжелых ранений. Зверь уже побежал вплотную. У Пинехака в винтовке не осталось патронов, на перезарядку не было времени. Не видя другого выхода, Пинехак бросился на лед вниз лицом и закрыл голову руками. Медведица подбежала к нему и, схватив его зубами за спину у поясницы, подняла в воздух. Собаки в это время добрались до медвежат и трепали их артелью. Те верещали, как пороссята.

Материнское сердце, видимо, не выдержало. Медведица реактивным движением головы отбросила Пинехака, да так, что тот покатился на животе по льду, и бросилась выручать медвежат.

Разбросав собак во все стороны, медведица вместе с медвежатами неторопливо удалилась в торосы.

Собаки во время потасовки с медвежатами так перепутались в упряжи, что потеряли возможность двигаться.

Пинехак полежал некоторое время, поднял голову, осмотрелся. Увидав, что медведицы нет, зарядил винчестер, поднялся и пошел к собакам. И только четыре дыры на его кухлянке свидетельствовали о том, что он побывал в зубах у смерти².

Обычно мать защищает медвежат до последнего изыхания. Бывает, однако, когда после непродолжительной баталии с собаками она уходит, пользуясь тем, что собаки занялись медвежатами. Такие случаи сравнительно часты. Поэтому некоторые промышленники непускают на медведицу с ососками больше одной собаки. Когда нее в одиночку «держит» взрослого медведя, ему никогда обращать внимание на медвежат.

Бывает, конечно, и так, что пока собаки и охотник заняты медведицей, медвежата уходят далеко. Особенно часто это наблюдается во время охоты в торосах. Оставшиеся без родительницы малыши сами не могут существовать и должны погибнуть от голода. Туземцы, впрочем, уверяют, что медвежата не погибают: их подбирают другие медведицы, и они ходят с ними на правах кровных щенят.

Для туземцев время охоты на медведя является как бы праздничным периодом. В это время эскимос бросает все дела, как бы они ни были важны, и едет промышлять. Доходность охоты на медведя, при сдаче в склад только шкуры, ниже доходности от промысла песца. Хотя шкура медведя расценивается несколько выше шкурки песца, но добыча медведя значительно труднее и занимает больше времени. К тому же медвежьих шкур добывается значительно меньше. Охотник,

¹ Заостолить — затормозить.

² Эскимосы в поездках укорачивают ездовую кухлянку, поднимая ее кверху с помощью пояса. Благодаря этому образуется меховой пузырь, который они используют как складочное место, держат там трубку, кисет с табаком, спички, бутылку с водой. Вот за эту меховую складку медведица ухватила Пинехака и поэтому не причинила ему вреда.

Убивший медведя, чувствует себя героем, считается передовым охотником и пользуется большим уважением.

Среди эскимосов острова было несколько человек, которых с полным основанием можно было назвать мастерами медвежьего промысла. На первом месте стоял эскимос Иван Семенович Кисимбо (Таян). Никто не убил медведей больше, чем он. Даже в самые неудачные годы он ухитрялся убивать по 15—16 медведей, а в удачные годы он добывал 30—35 медведей. Охотился он обычно в одиночку, никогда не обращаясь за помощью к другим промышленникам, в каком бы трудном положении он ни был. Прекрасный стрелок, хладнокровный и предусмотрительный, он не знал неудачи в охоте. За ним шли эскимосы Паля, Аньялик и Тагью. Эти прекрасные, опытные охотники все же уступали Таяну в умении бить медведя и охотно признавали его превосходство, хотя и стремились догнать его и перегнать.

Другие эскимосы также были медведя, но ни один из них не мог подняться до мастерства, которым обладала названная четверка. Когда промышленник упускает медведя, он готов плакать; в глазах других охотников он явно теряет некоторую долю уважения.

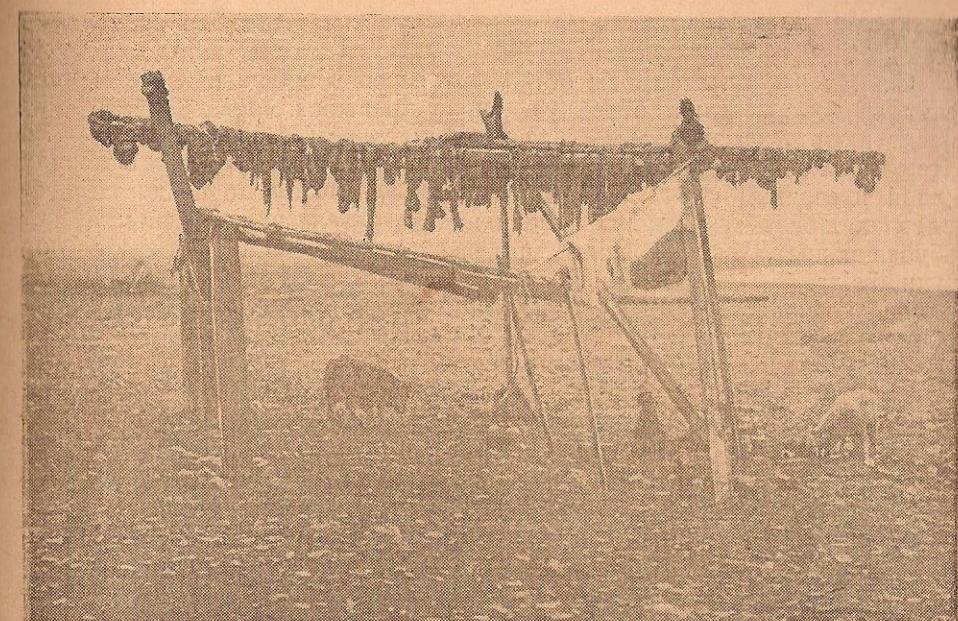
Помнится такой случай. Летом 1931 года врач Синадский увидел в зрительную трубу невдалеке от берега на льду медведя. Зверь стоял неподвижно близ воды: он, как видно, караулил нерпу. Синадский, страшный охотник, загорелся желанием убить медведя. Взяв с собой двух или трех эскимосов, бывших на фактории, он пошел на вельботе в лед. В дрейфующем льду найти медведя крайне трудно. Они сбились с пути. Несмотря на то, что на вельботе были значительно более опытные охотники, чем Синадский, тем не менее все негодование его жены, эскимоски Пувзяк, было обращено на него, так как он первым увидел медведя и пригласил их на охоту. Она неотрывно смотрела в зрительную трубу за движением вельбота. Долго толклись охотники во льдах, несколько раз выходили на вершины высоких торосов, но медведя так и не увидели. Наконец, признав тщетность своих попыток, они повернули обратно. Когда Пувзяк убедилась, что ее муж отказался от мысли добыть медведя, она громко сказала:

— Какой такой охотник! Все равно баба!

Отказавшись добыть медведя, Синадский осрамил ее в глазах других женщин — жен охотников.

Охота на медведя на острове и на всем побережье Чукотского полуострова регулируется неписанным законом, которому строго следуют все охотники. Закон этот гласит: «Медведь принадлежит тому, кто его первым увидел». Неважно, принимал ли увидевший участие в охоте или нет. Если медведя первым увидел ребенок, зверь принадлежит ему. Натуральные формы хозяйства не могли породить в условиях севера другого обычая.

Когда шкура медведя не имела товарной ценности, она не являлась большим приобретением, мясо же распределялось равными частями среди жителей поселка; кроме того, сила и свирепость животного при несовершенстве оружия неизбежно требовали для охоты на него участ-

Сушка медвежьего мяса.

стия коллектива. Со временем, когда шкура приобрела товарную ценность, медведь на Чукотке стал столь редок, что обычай этот не meshal. Он сохранился до сих пор.

На острове Брангеля такой обычай тоже еще существует, но из-за обилия зверя, с одной стороны, и довольно крупной товарной ценности шкуры, с другой, он начинает постепенно отживать.

В связи с большим количеством медведей мы наблюдали постепенное исчезновение и другого обычая, связанного с промыслом этого зверя. Эскимосы до сих пор очеловечивают медведя и иногда называют его хозяином или просто «человеком». Власовой, например, пришлось столкнуться с этим во время поездки по острову весной 1932 года. Когда она работала по руслу реки Мамонтовой, ехавшие впереди Павлов и Анакуля остановились и стали указывать на гору. На вопрос подъехавшей Власовой, что случилось, они ответили: «Там человек!»

Власова обеспокоилась и подумала, не случилось ли чего на фактории. Но Павлов разъяснил, что на горе медведь с медвежатами и что туземцы считают его таким же существом, как человек, и часто так и называют.

Убивший медведя, или хозяин, добыв зверя, совершает некоторые обряды. Разделяя туши (а она разделяется сразу же после того, как снята шкура, так как замерзшую тушу разделать при помощи ножа невозможно), охотник извлекает сердце, тут же разрезает его на куски

и по куску бросает через плечо. Этим туземцы умиластвляют «духа медведя».

Снимая шкуру, эскимосы оставляют череп в шкуре и в таком виде везут ее домой. Дома, отдохнув, они устраивают «праздник». Шкуру вносят в юрту, распластывают на полу, у головы раздвигают челюсти. Затем начинается «угощение» медведя. Перед головой ставят посуду с едой и горячим чаем. Хозяин раскуривает трубку и предлагает ее медведю. После «угощения» хозяин иногда развлекает медведя: играет в бубен и поет. Часто хозяину подтягивает семья, и все поют под звуки бубна.

Только после этого из шкуры вынимают череп. Шкура идет в обработку, а голову относят подальше за становище и укладывают мордой в северном направлении.

Этот обычай также начинает теперь исчезать. Все реже устраиваются «праздники» кормления медведя. Убив одного медведя, легко соблюсти обычай. Но когда за весну промышленник убивает два-три десятка медведей, то на «кормление» всех просто нехватит времени. Иногда промышленнику случалось убивать в день три-четыре зверя, а эскимос Иноко однажды убил сразу одиннадцать. Тут уже не до «праздников». Тут и «духа»-то накормить некогда.

Так постепенно отмирают обычай, сложившиеся на протяжении веков.

Мясо медведя вполне съедобно, только жир сильно отдает ворванью. Туземцы охотно едят то и другое и в сыром и в вареном виде. Жир медведя, кроме запаха ворвани, других неприятных особенностей не имеет. Необезжиренное мясо значительно вкуснее, — конечно, если не обращать внимания на запах ворвани. Если же мясо освободить от жира, оно совершенно не пахнет ворванью, или, как говорят, «рыбой», и очень вкусно. Лучше всего жарить медвежатину на каком-нибудь другом жире, но и вареное мясо съедобно, только навар очень отдает ворванью, поэтому для супа медвежатина совершенно непригодна.

Особенно вкусно мясо медвежат-ососков. Жир медвежат совершенно не отдает ворванью, поэтому они могут удовлетворить даже изощренный вкус гурмана.

Печень медведя обладает какими-то ядовитыми свойствами. Мне не пришлось пробовать ее самому, но я видел ее действие на других. Когда Званцев убил первого медведя, он нажарил печени и наелся вволю. Печенка ему показалась очень вкусной. Кушал он ее поздно вечером, а наутро с большим трудом встал к семичасовому отсчету. Я ахнул от его вида. Он весь отек. Лицо воспалилось и приобрело кирпично-красный цвет с каким-то странным, мертвенным оттенком, словно искусанное пчелами. Он почти не мог открыть глаза. Чудовищно болела голова, в ушах стоял пасхальный звон «сорока сороков». Такое состояние продолжалось дня три, потом отеки и боли прошли, неприятные явления постепенно исчезли.

Такое же происшествие случилось и со Скурихиным в первый год пребывания его на острове. Туземцы не потребляют печени медведя.

В процессе снимания шкуры на месте боя промышленник стремится оставить на ней как можно меньше жира, но из-за недостатка времени хорошо ее очистить не удается. Там же на месте вылущиваются кости ног, кроме последних фаланг пальцев с когтями, а на лапах начисто удаляются пяточные затвердения. В шкуре остаются только ушные и носовые хрящи, если череп извлекается.

В становище очисткой шкур от жира занимаются женщины. Для этого применяются тяжелые ножи особой формы. Женщины удаляют ушные хрящи, подрезают до нужных размеров хрящи носа и удаляют из сосков остатки млечных желез.

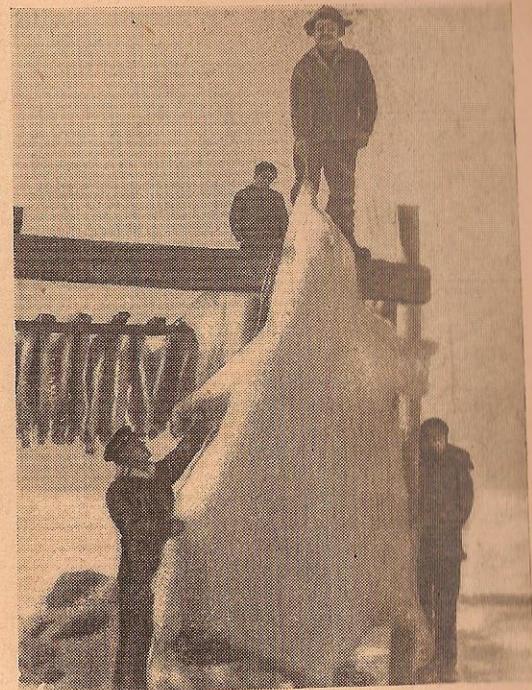
После того как шкура совершенно освобождена от жира, ее моют со стороны шерсти; этим занимаются, как правило, мужчины. Шкуру необходимо отмыть от крови, попавшей из ран, и от жира, приставшего к шерсти. Мойут шкуру чаще всего на дворе, прямо на снегу, горячей водой с мылом.

Поздней весной и летом, когда на море уже есть вода, шкуры после мытья полощут в соленой воде и мокрыми вешают для просушки. Зимой и ранней весной вымытую шкуру чистят и обезвоживают снегом. Сухой снег прекрасно впитывает в себя всю влагу, к тому же он механически забирает остатки жира и грязи.

Очищенные и вымытые шкуры растягивают на вешала для просушки. Особенно хорошо идет сушка весной и зимой. Вся влага выветривается и вымерзает, а жир, неизбежно остающийся в небольшом количестве, олифится и затвердевает настолько, что потом не растекается даже под действием солнца.

Вымороженная шкура, в отличие от высушенной, в теплую погоду имеет красивый, чистый вид.

Белый медведь два-три десятка лет назад на нашем крайнем северо-востоке был довольно частым зверем и спускался далеко на юг. Теперь же медведь на побережье материка встречается крайне редко, он не любит находиться там, где обитает человек. В свое время на склонах материкового берега и в ближайших распадках часто нахо-

Просушка медвежьей шкуры на вешалах.

дили берлоги с медведицами и ососками. Об этом также говорят исследователи, посещавшие район к востоку от устья Колымы. Теперь берлоги здесь не встречаются.

Все же на острове Врангеля медведь упорно держится. Ежегодно самки массами выходят на остров и залегают в берлогах, несмотря на то, что каждую весну их уничтожают почти сотнями.

Почему медведицы «воспылали любовью» к этому клочку земли? Почему, несмотря ни на что, они не желают уходить в другое место, где еще нет человека, где пребывание их вполне безопасно?

Мне думается, что это можно объяснить отсутствием вблизи суши к северу, северо-западу и северо-востоку от острова на расстоянии 200—300 километров. Остров Геральд в счет итти не может, так как он очень мал.

Кстати, и на острове Геральд тоже очень много медведей. В сентябре 1934 года там высаживались люди с «Красина» для ремонта мачты флага СССР. Едва они подошли на шлюпке к берегу, как тут же убили в берлоге самку. Затем они поднялись на вершину, оставив у шлюпки вахтенного. Тот поднялся к убитому медведю и в метре от себя увидел выглядывавшего из берлоги второго медведя. Немного позже его тоже убили. Так тесно медведь не селится, а уж если поселился, значит был вынужден к этому крайним обстоятельствами.

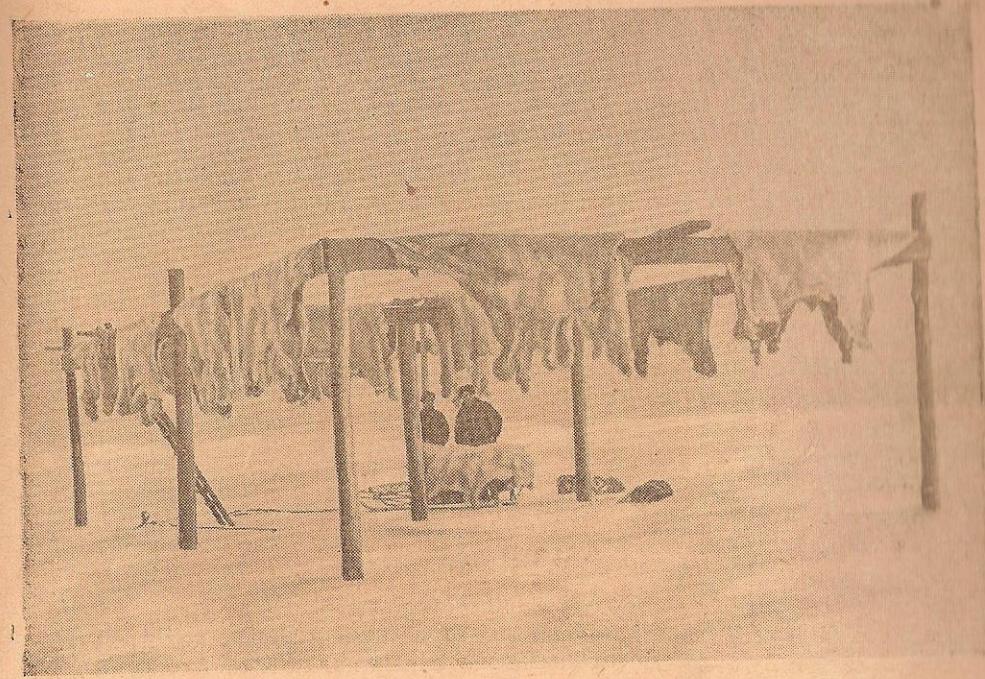
Остров Врангеля на крайнем северо-востоке является своеобразным медвежьим питомником. Начиная от устья реки Колымы и кончая мысом Дежнева, только здесь медведь выходит в значительных количествах на сушу для размножения. Уничтожение медведя на острове Врангеля приведет к исчезновению его в этом районе Арктики.

Чтобы не допустить полного истребления зверя, несомненно необходимо регламентировать охоту на него. Наиболее рационально установить регулярные запуски¹ и разрешить охотиться на самок весной, когда они ходят с ососками, только по четным или нечетным годам. Осенний и зимний промысел можно не регламентировать: эффективность его невелика. Летний же убой медведя необходимо прекратить совершенно. Летом на шкуре медведя шерсть короткая, редкая, со многими проплешинаами, а на брюхе в паховых областях настолько редка, что они кажутся почти голыми. Линяя в это время, животное теряет шерсть, и шкура производит впечатление подопревшей. Ценность ее невелика.

Еще полбеды, если летний убой медведя происходит с промыслового судна. В таком случае хоть не пропадет шкура и жир; о мясе мы не говорим, так как на любом судне найдется достаточно любителей, желающих полакомиться медвежатиной. С экспедиционных судов медведя бьют обычно в порядке «спортивной стрельбы». Ведь каждому, побывавшему в арктическом рейсе, лестно по возвращении сообщить своим друзьям: «Я убил медведя!»

Убить медведя, находясь на борту судна, нетрудно, но обработать

¹ Запуск — перерыв в охоте.

Вешала с медвежьими шкурами.

убитого медведя значительно труднее. Снять шкуру, очистить ее от жира, а потом высушить — для этого нужен опыт и умение. Еще во время похода к острову на ледорезе «Литке» в 1929 году и ледоколе «Красин» в 1934 году мы видели, что делается со шкурами медведей, убитых с кораблей.

На «Литке» желающих убить медведя набралось столько, сколько было винтовок, а работать над шкурой никто не захотел. Сначала взялся за это дело Синадский. Но по недостатку опыта он ничего не смог сделать, и шкура лежала до самого прихода на остров. Там это дело было поручено эскимосской женщине. Когда она занялась чисткой, оказалось, что шкура в ряде мест уже успела подопреть.

На «Красине» из полдюжины убитых медведей ни одной шкуры не удалось сделать прилично: все они были крайне загрязнены сажей и угольной пылью, падавшей из дымовых труб.

В свое время руководство Главсевморпути приказом воспретило бить медведя с судов и на полярных станциях. До введения в действие этого приказа, как только с судна усматривался медведь, все, имевшие винтовки, собирались на носу судна и буквально «пачками» расстреливали зверя. Теперь при появлении медведя, так же как и раньше, все свободные от работы бегут наверх смотреть на него.

и без конца «стрелять», но уже не из винтовок, а из «леек» и других фотоаппаратов.

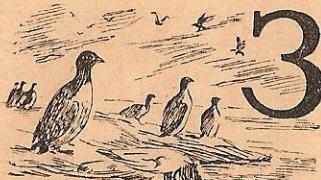
Если медведя не стреляют, он не имеет особенного желания уходить от судна, и ежели судно останавливается на длительное время, медведь подходит к борту и иногда пытается взобраться по нему¹.

Запрещение бить медведя на полярных станциях несколько осложняет жизнь зимовщиков. Не получая отпора, медведи становятся довольно наглыми и основательно досаждают обитателям полярных станций. Кроме того, там вполне возможны и несчастные случаи, так как медведь часто подходит к самому дому, а встреча с ним для безоружного человека может окончиться трагически.

Поэтому для полярных станций следует сделать исключение и разрешить зимовщикам бить медведей всякий раз, когда они появятся в районе станции.

ГЛАВА VII

ПТИЦЫ

ИМОЙ на острове почти совсем нет птиц. Постоянными жителями являются вороны, но и их не так уж много.

Иногда остается зимовать полярная сова. За пять лет только зимой 1931/32 года совы остались на острове в довольно большом количестве, видимо из-за обилия леммингов — своей главной пищи. Летом леммингов было так много, что, идя по тундре, мы давили их ногами. В другие годы мы сов зимою совершенно не видели.

Но вот приходит лето. Сразу же на остров прилетает колossalное количество самой различной птицы.

В средних широтах нам никогда не случалось наблюдать такого изобилия птиц.

Время прилета растягивается почти на два месяца. Первые птицы появляются в конце или даже в середине первой половины апреля, а последние в первой половине июня.

Первыми прилетают маленькие, изящные пурпурки; они были для нас вестниками весны. Каждый год полярники с нетерпением ждали их прилета. Ведь семь месяцев мы не слышали птичьих голосов, так

¹ Плавая в 1936 году на ледокольном пароходе «Садко» в проливах Земли Франца-Иосифа, я имел случай наблюдать медведя у самого борта судна. Ему бросали всякую снедь, он ее охотно поедал. «Садко» стал на ночь. Медведь, удовлетворившись угощением, отошел на несколько десятков метров и улегся спать. Утром он вновь ложился на борт. Опять началось угощение, которое продолжалось до ухода судна в дальнейший путь.

оживляющих тундру. Только вороны иногда прошумят в воздухе или поскандалят, собравшись у склада мяса.

Если пурпурки почему-либо запаздывали, мы тревожились. Раз пурпурки запоздали, значит и весна запоздает.

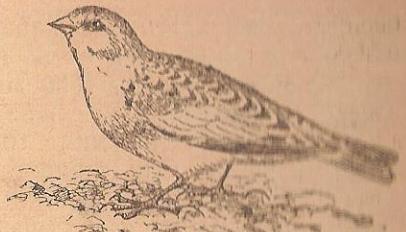
Вначале эти птички появлялись в одиночку, вскоре их становилось много. Эта мелкая птичка гнездует главным образом в камнях, в каменных россыпях, в трещинах береговых обрывов и питается «плодами» тундры. Пока тундра и горы еще покрыты толстым слоем снега, они большими стаями собирались у домов. Весной 1931 года таяние снега особенно запоздало, и пурпурки, не имея возможности построить гнезда и найти достаточного пропитания в тундре, в течение нескольких недель громадными стаями собирались у жилищ, подбирая со снега все, что попадалось съедобного. Они нашли приют на чердаках наших домов и в складах, куда проникали через щели.

Их было так много, а корму так мало, что я выделил небольшое количество ячневой крупы и подкармливал птиц.

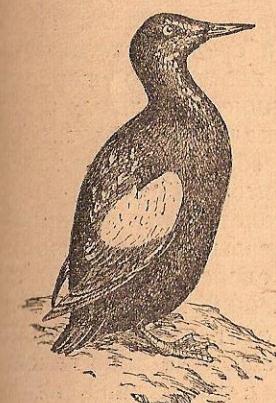
В конце апреля на остров прилетают чистики, или, как мы их называли, «краснолапки». Они появляются прежде всего на скалистых уступах восточного берега у мыса Гавай, а также на скалистых участках западного берега. Обычно 1 мая, вернее в ночь на 1 мая, мы выезжали к мысу Гавай и дальше на север по берегу охотиться на чистиков. В это время их еще не много: прилетали и рассказывались на каменных карнизах только первые партии. У самого острова в это время чистики не могли найти для себя пропитания, потому что все видимое море было покрыто крепким льдом. Очевидно, существовали полыньи и разводья вдалеке от острова, куда чистики и летали кормиться. Днем они, как правило, отсутствовали, и охотиться в это время не было смысла. На ночь они прилетали к местам гнездования и проводили там темное время, чтобы с первыми лучами солнца улететь обратно на воду.

Характерно, что и в полярный день в часы ночи птицы больше собираются на гнездах, хотя совершенно светло. В дневные же часы на гнездах остаются только насиживающие, а когда появляются птенцы, то прилетают только для кормления.

В первой половине мая вслед за чистиком к острову прилетает толстоклювая белогрудая кайра. Эти птицы гнездятся колossalным

Пурпурка.

Чистик.
Остров Врангеля.

базаром на восточном побережье у мыса Уэлинг. Встречаются они и южнее мыса, но в очень небольшом количестве.

В конце августа 1930 года нам пришлось вывозить из бухты Роджерс на северное побережье моржовое мясо для эскимосов, и мы проходили на вельботе мимо мыса Уэлинг. Все скалы мыса были облеплены кайрами. Они беспрестанно носились у скал, то садясь, то поднимаясь вновь. Проходя мимо, мы дали несколько выстрелов, и все кайры снялись со своих мест. Небо почернело от птиц. Их было так много, шум, производимый крыльями, был столь велик, что мы, сидя в вельботе, не слышали голосов друг друга. Кайры летели густой массой, в воздухе натыкались одна на другую и от столкновения падали в воду.

В годы, когда у нас почему-либо нехватало на весну моржового мяса, мы иногда отправлялись на мыс Уэлинг для добычи кайр на корм собакам. Одна ночь охоты могла дать на каждое ружье по два мешка кайр. Их можно бить у скал в неограниченном количестве.

Мне не случалось наблюдать гнездование белогрудой кайры на скалах западного побережья. Но по словам туземцев, живших у реки Гусиной, кайр там так же много, как и на мысе Уэлинг. Эскимосы промышляли кайр в большом количестве на пищу себе и собакам и, кроме того, собирали некоторое количество яиц.

Вместе с кайрами на мысе Уэлинг гнездует в сравнительно небольшом количестве обыкновенный морской баклан. Изредка эти птицы видны, как бы прилепленные к скале.

Всю первую половину мая на остров слетаются различные тундровые птицы. Прилетает несколько видов куликов: от малюсенького до очень крупного.

Тут и томно стонущий тулес; его тоскливая брачная песнь громко разносится по тундре. Тут и песочник исландский; весной он встречается близ дома, а потом уходит в центр острова и там гнездует. В это же время прилетают и поморники. На острове Брангеля гнездуют два вида поморника: малый острохвостый и средний поморник-хохотун со своеобразной формой хвоста: два пера хвостового оперения значительно длиннее остальных и повернуты вертикально к плоскости хвоста в виде «бантика». Мы так и звали его—«поморник с бантиком».

Иногда в полете этот поморник издает крик, чрезвычайно напоминающий хохот человека, причем не веселый, а зловещий, издевающийся. Первое время этот крик частенько нас пугал. Зайдешь куда-либо далеко от дома, рядом с тобой лишь однажде собаки да птицы снуют в воздухе, и вдруг услышишь громкий хохот. Невольно обеспокоишься, начнешь

оглядываться и искать, кто может тут хохотать, когда ты твердо уверен, что поблизости человека быть не может. Позже мы узнали, что это кричит поморник, но все же его хохот каждый раз оставлял неприятное впечатление. Мы прозвали его хохотуном.

Кроме этих птиц, прилетает разная мелкая птаха размером с воробья и даже меньше, некоторые из них такие же серенькие, как воробьи.

Прилетают и часто живут близ дома хорошеные чечотки. Они хлопотливо собирают всякую всячину, носят ее под карниз дома или под какой-нибудь ящик и заботливо выют там свое гнездышко.

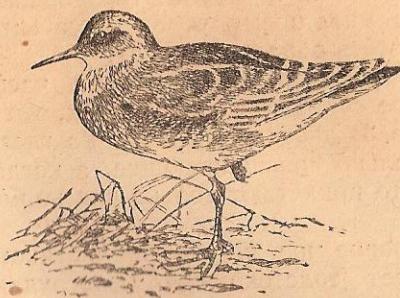
В это же время появляется в тундре и подорожник. Он радуется жизни и поет своей подруге звонкие песни, напоминающие трели нашего жаворонка. Подорожник вьет свое гнездо в таких укромных местах, что найти его почти невозможно. Затем прилетает в очень небольшом количестве совсем малюсенькая птичка, пеночка таловка, которую эскимосы называют «кавыхихпак».

В начале мая на острове появляется белая сова. Самец совы покрывается брачным оперением; оперение его абсолютно белое — без единого пятнышка, и только клюв да желтые глаза темнеют на передней части головы. Самка — пестрая, как обычно.

Прилетают также различные чайки: первыми бургомистры, а за ними и другие. Тут и серебристая, чуть уступающая в размерах бургомистру, и трехпальая (мы называли их моевками), и вилохвостые, и, наконец, красивые, отчаянно длиннохвостые крачки. Изредка попадаются совершенно белые полярные чайки.

С двадцатых чисел мая на остров летят гуси: белые, с желтовато-красноватой головой и черными окончаниями крыльев, и черные, или казарки.

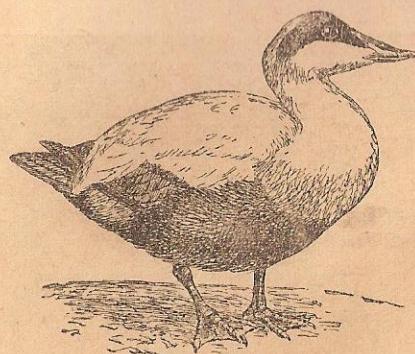
Казарки кажутся черными только издали, на самом же деле они темнокоричневые, с белым ожерельем, несколькими белыми полосками у ушей и белыми окончаниями маховых перьев.

Круглоносый плавунчик.

Поморник в гнезде.

Обыкновенная гага.

Гаги прилетают в начале июня, а за ними и моряки, или, как мы их называли, шилохвостые утки¹.

В небольшом количестве появляются на острове гагары белоклювые, чернозобые и краснозобые. В какое время они прилетают, нам установить не удалось, как не удалось установить и время их отлета.

Изредка прилетают птицы, совершенно не гнездящиеся и вообще встречающиеся на острове крайне редко. Из таких залетных птиц нам удалось добыть для коллекции один экземпляр кроншнепа среднего, пару

чирков-клоктунов и один вид кулика. Эскимосы утверждали, что таких птиц они видят на острове впервые. Особенно их поразили чирки: по их словам, на Чукотке, в районе бухты Провидения, эта птица никогда не встречалась.

Изредка на остров прилетает гага сибирская. Правда, за все пять лет в районе бухты Роджерс нам довелось видеть только три пары этой красивой птицы.

Нам не раз говорили, что на острове видели обыкновенного журавля. Скурихин, например, рассказывал, что летом 1927 года он вместе с Аньяликом добыл одного журавля в районе мыса Блоссом, мне все же ни разу не приходилось встречать его. Только летом 1933 года я однажды заметил на тундре невдалеке ют дома пасущегося журавля. Добыть птицу не удалось.

Каждый год у берегов острова появляется довольно большое количество гаг-гребенушек. Добыть их очень трудно. Гнездо гаги-гребенушки на острове находить не случалось. Но это не может служить основанием для заключения, что гребенушка не гнездует на острове, так как гнезд некоторых птиц, о которых хорошо было известно, что они гнездуют на острове, нам также встречать не приходилось.

Несколько раз мы видели на острове хищника, повидимому, из породы соколов, серовато-белого цвета, с довольно длинным хвостом². Я сам трижды видел его, причем дважды в расположении фактории уже поздней осенью. Эту птицу хорошо знают туземцы; на Чукотке в районе бухты Провидения ее зовут «разбойником», так как она бьет тундровую птицу: мелких уток, вроде шилохвостых чаек, и даже нападает на белогрудую кайру и тихоокеанскую гагу.

Ранней осенью 1931 года, охотясь на внешней косе бухты Род-

¹ Не следует эту птицу путать с обычной шилохвосткой — *Cofila acuta*. Моряки называли шилохвостой уткой по недостатку знаний. Основание к этому — два длинных пера хвостового оперения.

² Позже, уже в Ленинграде, профессор Л. А. Портенко показал мне шкурку аналогичной птицы. Тогда удалось установить, что этот хищник был кречетом.

жерс, Павлов увидел крупную белую птицу. По полету и длине шеи он заключил, что это лебедь. Был ли то действительно лебедь, сказать трудно¹.

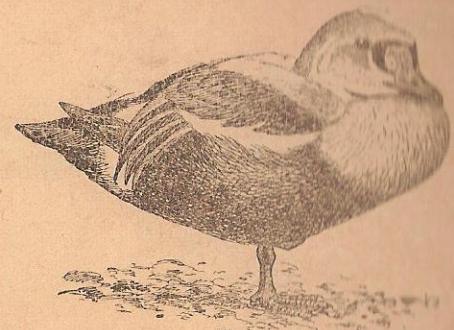
К прилету птиц остров оживает. Многие участки тундры освобождаются от снега, местами зеленеет трава, появляются первые цветы, хотя еще стоят значительные холода. Птицы проносятся беспрерывно то стайками, то в одиночку, наполняя воздух шумом крыльев. Вот несется стремительно, как пуля, кулик; пурпурка висит в воздухе, беспрерывно трепеща крыльями; поморник, выискивая добычу, парит на распластанных крыльях, выписывая в синей дали замысловатые фигуры. Над бухтой и морем проносятся стаи чаек, мерно махая как будто изломанными крыльями. То и дело слышны томные призывы куликов, хохот поморников, разноголосое чириканье мелкой птицы; издалека несется уханье совы и стоны бургомистров.

Большинство птиц появляется сначала в юго-западной части острова. По свидетельству эскимосов, первые пурпурки и кулики прилетают именно сюда. Отсюда они распространяются на восток по побережью. Вердимо, сказывается то, что южная часть острова наиболее близко подходит к материку, а для этих небольших и неводоплавающих птиц даже малейшее сокращение расстояния имеет значение.

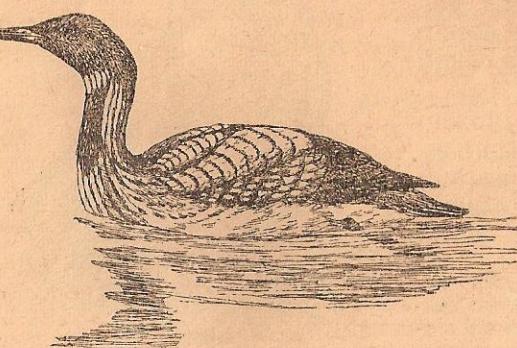
Гуси же, особенно белые, всегда летят с востока на запад, от мыса Гавай параллельно горной цепи. Того же направления они держатся и при отлете с острова. Лишь редкие партии гусей, поднимаясь высоко в небо, улетают прямо на юг через горы.

Сразу же птицы начинают устраивать гнезда. Местность в тундре обнажена, спрятаться некуда, а врагов много. В воздухе беспрерывно шныряют поморники и чайки, по земле снуют неутомимый песец — они охотятся за гнездами куликов и другой мелкой птицы. Мелкая тундровая птица сохраняет свое гнездо почти только благодаря защитной окраске. Яйца куликов, например, трудно раз-

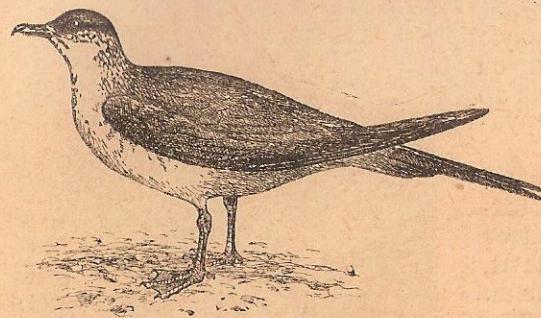
¹ Летом 1935 года в бухте Сомнительной эскимос Нанаун добыл одного лебедя.

Гага-гребенушка.

Гагара чернозобая.

Длиннохвостый поморник.

легко найти. Яйца поморника и чаек также имеют защитную окраску. Гнезда куликов представляют собой небольшую ямку, не имеющую ни травянистой, ни пуховой подстилки. В эту ямку самка обычно откладывает четыре яйца, причем укладывает их заостренными концами вниз, а тупыми кверху.

Поморники кладут свои яйца прямо на тундре, чаще на твердых участках, иногда без ямки. Только малый поморник кладет яйца в ямку.

Черные и белые гуси гнездуют, как правило, большими стаями, или, как мы говорили, «деревнями». Гнездовища гусей достигают иногда громадных размеров. В 1932 году весной нам удалось только с одного гнездовища набрать полторы тысячи яиц. Черные гуси реже собираются такими большими стаями, но все же мне только однажды пришлось наблюдать гнездо черного гуся-одиночки.

Белые гуси выстилают свои гнезда смесью пуха и сухой травы¹, а черные делают гнезда исключительно из пуха, связывая его мхом, чтобы пух не разносил ветром. Пух для гнезда самка выщипывает у себя на груди и животе. У черного гуся в период насиживания большая часть груди и весь живот совершенно обнажены, тогда как у самки белого гуся мы не видели таких обнажений.

Гуси откладывают до шести яиц, причем яйца лежат на боку в беспорядке. Больше полдюжины яиц в одном гнезде мы не встречали.

Обычно гуси гнездуют возможно ближе к гнезду белой совы. Если бы этого не было, гнезда гусей беспрестанно подвергались бы нападению разных хищников: песцов, крупных чаек.

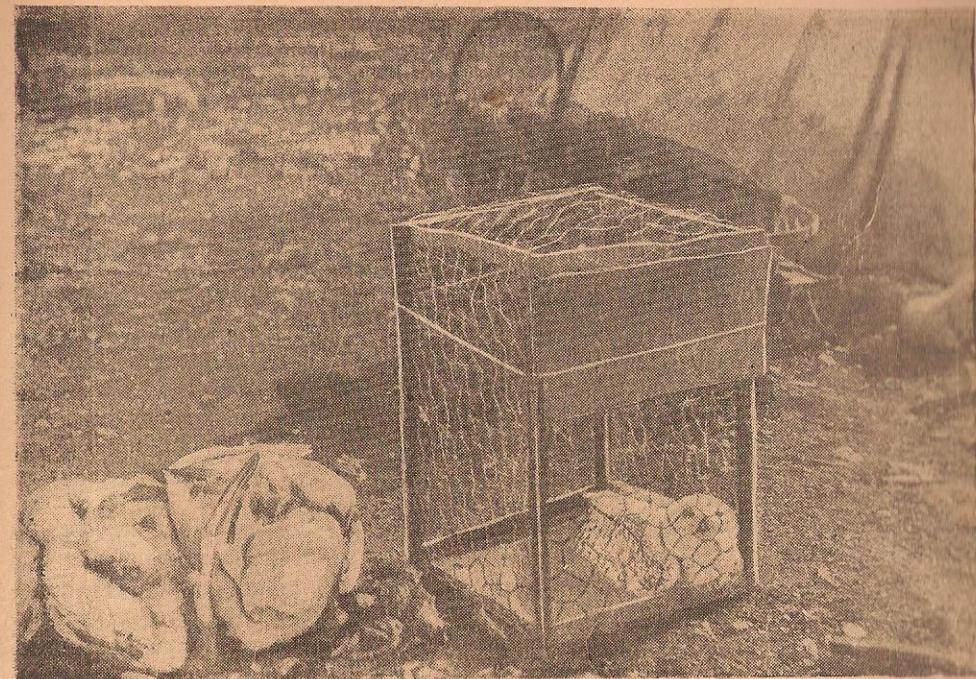
¹ Профессор Л. А. Портенко делает вывод, что белый пух выдавал бы гнездо врагам, поэтому защитная окраска гнезда заставляет самку не злоупотреблять своим пухом, в отличие от черной казарки.

личить даже в непосредственной близости, и нам случалось, не заметив гнезда, почти наступать на него. Отойдешь от гнезда на два-три шага — и потом уж не найдешь его.

Поморники, чайки и совы сами могут защитить свои гнезда от непрошенных гостей, поэтому они гнездятся на открытых местах, так что их гнезда сравнительно

Белая сова.

Полярная сова в клетке. Рядом —битые гуси на корм собакам.

ворон. Только присутствие совы заставляет воздушных и наземных хищников далеко обходить этот район. Под защитой совы гуси спокойно гнездуют и выводят свою молодь.

Сова устраивает свое гнездо на вершинах небольших холмиков или на выступе террасы, но обязательно так, чтобы сидящая на яйцах самка имела возможность, не поднимаясь с гнезда, обозревать окрестность.

Гнездо совы представляет собою круглую, довольно больших размеров ямку, совершенно лишенную подстилки. Наши наблюдения показали, что непосредственно прилегающий к гнезду участок сова стремится очистить от посторонних предметов, в том числе и от собственных перьев. На дне ямки обычно лежит мягкая пыль, прибитая яйцами.

Сова откладывает до десятка белых, почти круглых яиц, размером как крупные куриные. Яйца лежат в беспорядке. В отличие от других птиц, самка совы во время насиживания крайне редко покидает гнездо. Хотя сова не выстилает гнездо пухом, брюхо у нее совершенно голое. Очевидно, это результат интенсивного насиживания. Мы не замечали, чтобы самец заменял наседку в ее отсутствие. Зато мы видели, как самец постоянно снабжает самку питанием, приносит

ей леммингов, откладывает запасы у гнезда. Однажды мне пришлось четыре дня прожить вблизи гнезда совы. Первое время, когда я проходил недалеку, сова снималась и отлетала немного в сторону. Потревоженная птица садилась и выжидала, пока я удаляюсь на безопасное, по ее соображениям, расстояние. Но уже к середине второго дня, не видя с моей стороны агрессивности, сова привыкла ко мне и оставалась на гнезде, даже если я проходил мимо в 30—40 метрах.

Бургомистры выбирают для своих гнезд концы песчаных кос, небольшие песчаные островки или карнизы обрывистых берегов, где гнездуют совместно с кайрами.

Гнездо бургомистра на косе представляет собой постройку из водорослей, мха и другого «строительного материала». Внешне оно похоже на кучу хлама, выкинутого прибоем. В середине сделана ямка, куда и откладывается яйца. Яйца бургомистра, как и кулика, покрыты темнозелеными пятнами.

Позже всех вьет гнездо гага тихоокеанская. Она селится на острове, как правило, в одиночку. Гнездует и на тундре и на косах, часто вблизи жилья.

Гага устраивает гнездо, так же как и черный гусь, исключительно из пуха, но совершенно не связывает его мхом. Поэтому, если гнездо сложено в не защищенном от ветра месте, сильные ветры выдувают весь пух, и яйца остаются лежать в ямке на обнаженной почве.

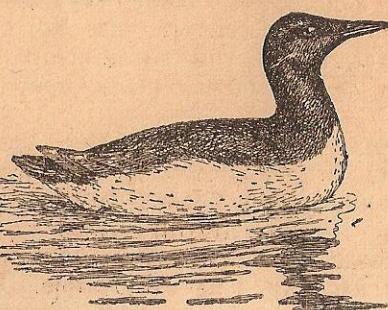
Чайки, кроме крачки, гнездуют исключительно на скалах совместно с чистиками и белогрудыми кайрами.

Крачка иногда устраивает свое гнездо на косах. В песке, в небольшой ямке, она откладывает пару яиц (больше нам наблюдать не приходилось).

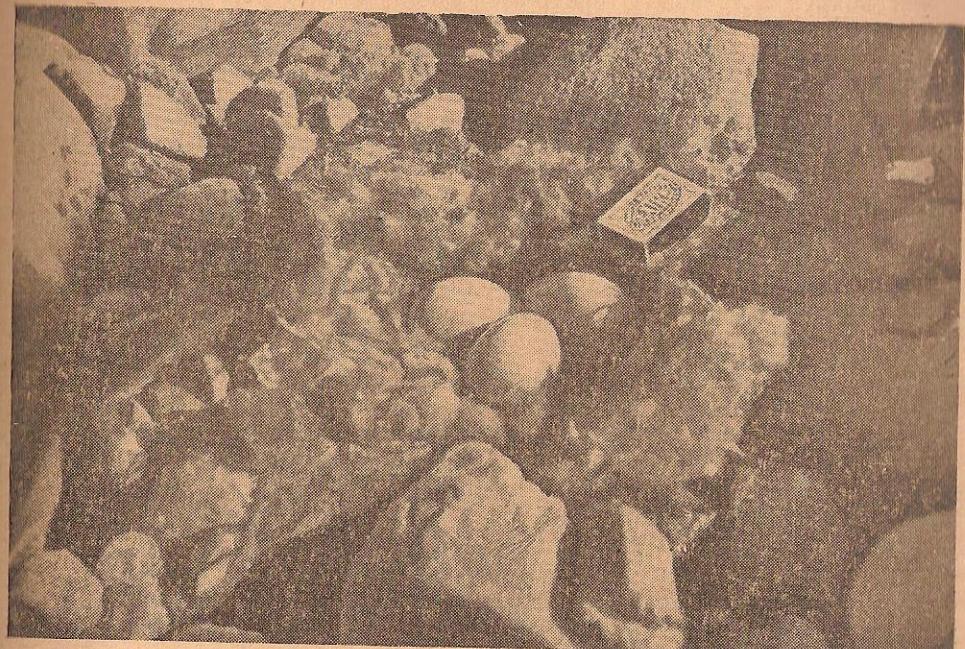
Эта птица всегда отчаянно защищает свое гнездо, независимо от того, кто на него нападает. За ее остервенелость крачка получила у эскимосов название «казак» или «птица-начальник».

В середине июля у пернатого царства начинается период линьки. Заметно линяет только водоплавающая птица, и почти исключительно самцы. Самцы белого и черного гуся, гаги, морянки теряют все маховые перья и поэтому летать в это время не могут.

До нашего приезда на остров среди туземцев было распространено обыкновение заготовлять впрок линную птицу. Убийство производился в крупных размерах. Птица, не могущая летать, сгонялась промышленниками к определенному месту, выгонялась на сушу, где ее ждали люди и собаки.

Кайра.

Яйца гаги.

Летом 1930 года эскимос Таян, живший на мысе Блоссом, заготовил больше 600 линных гусей. От убитой птицы брались только грудки, а все остальное выбрасывалось на съедение собакам. Грудки нанизывали на нитки, как бублики, и развесивали на воздухе провяливаться.

Зимой Таян привез из своих запасов несколько штук гусиных грудок для пробы. Они оказались малосъедобными, напоминая вареном виде мочалу.

Вообще птица во время линяния как бы переживает какую-то болезнь: она теряет жировой слой. У гусей и мышцы становятся тощими, остаются только кожа да кости. Поэтому не только заготовка впрок, но даже обычный убой этой птицы для стола нерационален.

Я воспретил туземцам заготовлять впрок линную птицу, тем более, что мяса на зиму можно найти сколько угодно. Начиная с лета 1931 года, убой линных гусей не производился.

Самки гуся, гаги и морянки линяют на крыльях: мы не наблюдали самок, потерявших возможность летать.

Самка гаги во время линьки сопровождает свой выводок на воде и только для отдыха выходит на прибрежный песок или плавающие льдины. Нам случалось встречать гагачи выводки в период интенсивной линьки. В случае нападения на семью мать поднимается в воздух,

летает вокруг и тревожно орет, а выводок быстро рассыпается в разные стороны.

Гусыни вместе с молодью пасутся на тундре и только при наличии опасности уходят в реку или море.

Мне однажды удалось поймать несколько гусят. Для этого пришлось основательно побегать. Гусыня в это время носилась над моей головой и тревожно кричала.

Самка морянки летает на протяжении всего периода линяния.

По окончании линьки часть самцов меняет оперение. У самца гаги уже нет того блестящего наряда, с которым он прилетал на остров, нет тонких переливов красок на груди, шее и голове, оперение становится серым и невзрачным, только грудь остается белой.

Молодь гаги, которую нам случалось наблюдать, как только вылупится из яйца, сходит на воду и держится там до тех пор, пока не начнет подниматься на крылья.

Для коллекции нам пришлось добыть несколько экземпляров пушнистых птенцов. Эти птенцы были исключительными пловцами, и изловить их оказалось совсем не просто.

Неоднократно нам приходилось встречать на воде кайры и чистиков вместе с подрастающим поколением, еще не умевшим летать.

По свидетельству эскимосов, кайры и чистики откладывают по одному яйцу и, высиживав их, выкармливают птенцов до определенного возраста в гнезде. Потом птенец, еще не умеющий летать, сходит на воду.

Поздней осенью, когда море начинало становиться, на воде появлялось большое количество молодых морянок. Они уже в сравнительно зрелом возрасте, вот-вот полетят. Птенцов пуховых и в возрасте, непосредственно следовавшем за этим, ни разу ни я, ни другие зимовщики не видели. Точно так же не приходилось наблюдать и молодь чаек. Молодых чаек мы убивали уже на крыльях.

Охота на птицу на острове исключительно богатая. С начала охоты на чистиков и до отлета последних бургомистров мы всегда имели к столу вполне доброкачественную дичь. Лучше всего

гуси. Мясо их вкусно, нежно, без какого-либо специфического запаха или привкуса, противного для европейца. Затем идут морянки и чистики. При надобности можно, конечно, есть любую птицу, несмотря на привкус. Мы научились приготавливать таких птиц, как кайры, гаги, бургомистры, причем делали их вполне съедобными и для тех, кто не выносил привкуса ворвани. Само по себе мясо этих птиц совершенно не обладает привкусом и запахом

ворвани, но жир, накапливаемый ими в большом количестве, пахнет ворванью, как и жир тюленей. Особенно отличаются этим гага и кайра. Если их приготовить, как обычную птицу, то человек, не привыкший к запаху ворвани, есть их не будет. С нами такой случай произошел осенью 1929 года, когда врач Синадский добыл гагусинку. Повар ее ощипал и хорошо зажарил, а внутренность набил гречневой кашей. Работали мы все в то время, как грузчики, и поэтому к обеду зверски проголодались. Зная о вкусном жарком, все быстро съели суп. Зажаренная птица выглядела очень аппетитно. Наконец, каждый получил свою порцию. Но велико было разочарование! Кушать гагу нельзя было, такой противный у нее оказался запах. Если же с гаги или кайры снять кожу и удалить полностью жир, то она становится вполне съедобной.

В мае 1934 года у нас в течение нескольких дней гостил экипаж Фариха. Свежего мяса тогда уже не было, консервами кормить летчиков мне не хотелось, и я попросил Таяна набить у мыса Уэйнг кайров.

Увидев кайр, Фарих рассказал, что где-то на Чукотке ему однажды случилось испробовать эту «птичку», но она так воняла, что есть ее он не будет.

Потом, когда Власова приготовила кайр и предложила их гостям, они ели и хвалили, а перед отлетом Фарих попросил приготовить несколько кайр в дорогу.

Эскимосы обычно употребляют в пищу всякую птицу, причем вся птица сливается у них под одним названием «утка», даже маленькую пурочку они называют «уткой».

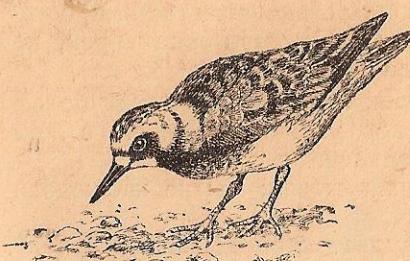
Летом обилие птиц так велико, что достаточно отойти от дома полсотни-сотню метров, как можно охотиться. При желании можно было охотиться, даже и не выходя из дома, так как он стоял на самом берегу, в полутора десятках шагов от воды. Когда близ дома нет людей, морянки подходят к самому берегу. В таких случаях достаточно выставить в фортуку дробовик, и один выстрел обеспечит обед.

Но этими благами мы пользовались только на протяжении трех-четырех месяцев. Потом птицы улетали на юг.

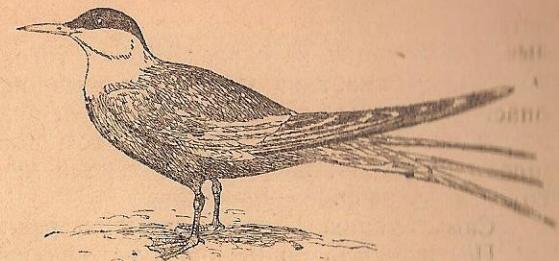
Кроме дичи, весной мы обычно имели в большом количестве прекрасные яйца. Яичница, омлеты и другие блюда из яиц не сходили со стола.

Когда птицы начинают гнездовать и класть яйца, население острова отправляется на сбор яиц.

Массовый сбор яиц на острове возможен на птичьих базарах, где можно добывать большое количество яиц белогрудой кайры и других

Кулик-камнешарка.

Полярная крачка.

птиц, гнездующих на скалах. Кроме того, много яиц, главным образом гусиных, собирают на тундровых гнездовищах.

Добыча яиц на базарах трудна и опасна. Забраться снизу на отвесные скалы невозможно. Эскимосы обычно спускают сборщиков сверху на ремнях; вися в стремянке с мешками, они выбирают из расщелин яйца кайр.

Жители мыса Блоссом и устья реки Гусиной ухитрялись таким способом набирать по несколько тысяч яиц. Собранные яйца эскимосы сохраняют, закапывая их на косах в песок. По их утверждению, яйца таким образом хорошо сохраняются. Нам не приходилось есть яйца, долго пролежавшие в песке. Полагаться на заверения эскимосов в этом отношении не следует, так как они с удовольствием потребляют насиженные яйца или сквашенное мясо. Слегка попорченные яйца, которые мы не могли кушать, они ели с охотой.

Мы обычно собирали только гусиные яйца. Их добыть гораздо проще, и они вкуснее, так как яйца кайр имеют привкус ворвани, хотя и незначительный.

Для сбора яиц, обычно в начале июня с фактории отправлялось в глубь тундры несколько нарт. К этому времени снежный покров остается только в руслах рек. Путь поэтому пролегает всегда по руслам рек.

Не каждый год бывал удачным по сбору яиц. Весна 1931 года, например, была в этом отношении чрезвычайно неудачной. Несмотря на то, что мы выехали на сбор с некоторым запозданием — из-за снежного покрова — и ездили в течение двух недель, до двадцатых чисел июня, поиски оказались безрезультатными, так как в том году гуси на острове почти не гнездовали.

Весь июнь и часть июля, как никогда раньше, тундра была плотно покрыта снегом, причем даже в середине июня бывала пурга. Нам встречалось бесчисленное множество гусей, носившихся в воздухе в поисках мест для гнездования. Но найти нужные места им не удавалось. К тому же в эту весну и совы гнездовали плохо. За две недели бродяжничества по острову мы не встретили ни одного гнезда совы. Это окончательно выбило гусей «из колеи», так как всюду беспрерывно шнырял песец.

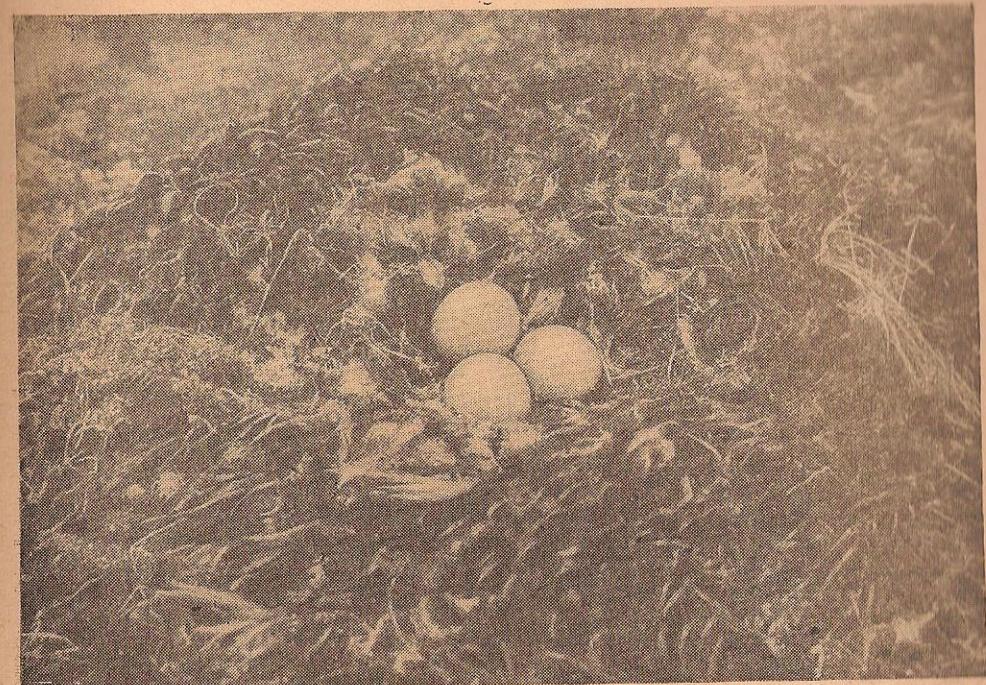
Мы набили гусей на пищу себе и для корма собакам, но яиц нам найти не удалось.

В 1932 году я в сопровождении Павлова 5 июня выехал на сбор яиц в верховье реки Мамонтовой. Несколько раньше выехал на сбор яиц промышленник Скурихин.

Поднявшись к верхнему течению реки Хищников, мы встретили Скурихина — он уже возвращался домой и вез с собой пятьсот яиц.

Приехав на намеченное место, мы увидели, что тундра на несколько квадратных километров усеяна гусями. В центре, на небольшом холмике, обосновалась сова.

Место, выбранное гусями и совой для гнездовища, было замечательным. Закрытое со всех сторон высокими горами, широкая долина реки Мамонтовой почти недоступна для ветров. Небо круглые сутки

Гнездо белого гуся.

было ясно и солнце жгло немилосердно. Оно ходило над верхушками гор и ни на минуту не прекращало одарять этот замкнутый горами клошок земли светом и теплом. Южный склон от подножья гор к руслу реки зеленел травой и был густо пропитан влагой. Бесчисленное количество ручейков и микроскопических озер сверкали под лучами солнца, как зеркальные осколки. Нежнейший рокот водяных струй наполнял воздух, сливаясь с гоготом гусей и шелестом крыльев беспрестанно перелетавших птиц. Одни улетали за горы, на юг, в тундру, к морю, на пастбище. Другие возвращались обратно, тяжело нагруженные пищей. Некоторые задумчиво стояли у самого гнезда, временами переступая с ноги на ногу, будто охраняя покой подруг. Самки сидели на гнездах.

Мы пробыли на этом гнездовище трое с половиной суток.

Когда мы подходили к гнезду, гуси не улетали, а лишь потихоньку отходили от него, не проявляя беспокойства, и так же потихоньку возвращались обратно, когда мы уходили.

Улетая на пастбища, гуси закрывают гнезда с яйцами мхом и травой. Проделывают это они с таким мастерством, что обнаружить замаскированное гнездо очень трудно. Пернатые хищники, пролетая над гнездовищем, совсем не замечают таких гнезд.